

Ярослава А

Хочу тебя
В ЖЕНЫ

Ярослава А

Хочу тебя в жены

<https://litres.ru/74594193>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Попалась?

— Господи, как вы меня напугали! — прижала обе руки к груди, всеми силами изображая сердечный приступ.

Необычайно выразительные серые глаза Марата опасно сузились до хищных щелок и зависли как раз на уровне моего несчастного, страдающего внезапной тахикардией, органа. На мгновение даже показалось, что они как-то особенно алчно сверкнули, а кадык на его шее дернулся, будто сглатывая слюну.

Ну, точно волчара сожрать собрался!

— Вот только не надо на меня так смотреть, — совершенно серьезно предупредила я. — Знаю я эти ваши методы. Говорите сразу, что вам от меня надо и отвалите уже, Марат Геннадьевич!

— Горячая ты штучка, Серафима Альбертовна. Дерзкая, наглая, хитрая.

— Непонятно говорите, Марат Геннадиевич. Одни какие-то гадости.

— В жены тебя хочу. Так понятнее?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	39
Глава 4	61
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Ярослава А

Хочу тебя в жены

Глава 1

Сима

Если есть на свете истинное удовольствие, то вот оно передо мной: идеальный, по степени прожарки, ароматный, сочный стейк форели с хрустящей корочкой в гранатовом соусе.

М-м-м...

Так и тает во рту.

Осторожно, наслаждаясь каждым моментом, кладу в рот очередной кусочек изысканного лакомства, прикрываю глаза в блаженном экстазе и чуть не подпрыгиваю на месте, когда мой спутник противно тянет:

— За-а-ай. Ну, за-а-ай, глянь на меня.

— Глебася, я ем.

— За-а-ай!

Да что ж он никак не уймется!? Последние полчаса бубнил себе что-то про то, как космические корабли бороздят просторы галактики, я, не слушая поддакивала, всех все устраивало, а теперь «за-а-ай» И последнее, кстати, вымораживает больше всего. Ненавижу все эти идиотские прозви-

ща. Но сколько бы я не пыталась объяснить Глебасику, что я не зайка, не рыбка и не киска, он упорно продолжает это делать. В такие моменты стараюсь абстрагироваться, прикрываю глаза, напоминая себе, зачем все еще с ним встречаюсь и ловлю дзен.

— Внимательно тебя слушаю, — приходится отложить приборы в сторону, бросить тоскливый взгляд на стейк форели, чтобы потом перевести его на странно улыбчивую физиономию Глеба.

В целом Глесабя неплохой мужик. Симпатичный даже...особенно местами, и, если бы не это «за-а-ай», можно было бы терпеть его чаще, чем раз в две недели, но я с первой встречи поняла, что у нас разные взгляды на жизнь, что, впрочем, не мешает нам приятно проводить время в постели. Последнее и есть то неоспоримо необходимое, ради чего я, собственно, все еще терплю Глеба.

— Я тут подумал, — чуть запнувшись от волнения, произносит он. — Зай, давай сойдемся.

Хорошо, что я в этот момент не ела, иначе бы кусок форели застрял в горле, и все впечатление от блюда было бы испорчено на веки вечные.

— Сойдемся? — переспросила я, в надежде, что ослышалась.

— Да, — радостно кивнул он. —Надеюсь, ты не надеялась на предложение? Не в нашем возрасте заниматься такими глупостями. Мы взрослые люди, нас тянет друг к другу,

и я считаю, что нам пора начать жить вместе. У меня, естественно.

Зависла на мгновение, переваривая его слова, а потом снова взялась за вилку. Надо срочно заесть кучу не перевариваемых слов в одном предложении.

— И как ты себе это представляешь? Ну, нашу жизнь вместе, — чисто из любопытства решила спросить я.

Глебушка счастливо оскалился и начал расписывать:

— Это будет чудесно. Будем просыпаться вместе в одной постели, ты будешь готовить завтрак, а вечером ждать меня с работы и...

— Готовить ужин, — подсказала я.

— Да! — еще радостней воскликнул он.

— А еще гладить тебе трусы, штопать носки и носить домашние тапочки, — едко продолжила я, почти с наслаждением глядя, как до Глебасика начинает потихоньку доходить, что все пошло как-то не так. — Сногсшибательные планы на совместную жизнь, Глеб, но не для меня.

— Как? — растерянно хлопнул он глазами.

Смотрю на него и думаю: вот красивый мужик, ну, правда, все при нем: высокий, темноволосый, с короткой ухоженной бородой, модно одетый, но отчего же он такой тупой?!

— Ты, кажется, забыл, что у меня есть сын, — сухо напомнила я. — Как он впишется в нашу совместную жизнь?

— Но он же у тебя уже большой, с отцом твоим живет.

— Глеб, это не он живет с отцом, а мой отец живет с нами,

— вздохнула я, ощущая легкую горечь во рту. — Впрочем, без разницы...

— За-а-а-й! — мужчина не на шутку начинает переживать и пытается заграбастать мою руку, чтобы в очередной раз обслуживать ее.

Любит он это дело.

Но я на этот раз прячу обе руки под столом и говорю Глебу то единственно правильное, что надо сказать в этой ситуации:

— Прости, Глеб, но нам надо расстаться.

— Что?!

Внезапно в моей сумочке начинает надрываться мобильник. Я достаю его, бросаю взгляд на экран: начальник соскучился, но трубку не беру чисто из уважения к трагизму в Глебовых глазах.

— Глеб, ты же умный, красивый мужчина и еще найдешь себе даму по душе. Зачем тебе я? Мы с тобой встречались больше года и, если ты до сих пор не понял, что трусово-носовая тема не для меня, то нам точно не стоит продолжать общаться.

С этими словами я беру со стола сумочку, поправляю выбившийся из прически локон и решительно выхожу из-за стола.

— Спасибо за ужин, Глеб. Удачи.

Мужчина, теперь уже бывший, пытается остановить меня, бросая вдогонку какие-то нелепые фразы, но мне уже глубоко-

ко фиолетово, что он там хочет. Я ему ничего не обещала, собственно, как и он мне. Какие претензии?

Уже на улице, ежась от прохладного апрельского воздуха, запахи палто, потуже завязываю пояс и глубоко вздыхаю.

Погода наиотвратнейшая – мокрый снег с дождем в довершок к пронзительному ветру. В такой гадкий вечер только дома сидеть, пить чай с бальзамом и читать добрые книги. И угораздило же меня пойти с Глебом на свидание.

Рыбки красной захотелось?

Тьфу на нее —на рыбу!

Себя жалко...

Центр города, и до машины пешком почти километр, а я на каблуках, которые последнее время практически не ношу. Вдобавок ко всему, укладка развалилась, и волосы на пару с ветром хлещут лицо, размазывая идеальный макияж, который я усердно накладывала, предполагая, что мы с Глебасей после ресторана, как обычно, поедем в отель и проведем время гораздо приятнее, чем за беседой о его желании видеть меня за плитой.

Нет, не то чтобы я питала иллюзии на счет мужчин и Глеба в частности, но как-то обидно. Я тут красилась, выбирала сексуальное белье, одела эти долбанные каблуки, даже эпиляцию сделала. Готовилась, короче, а он мне «я на тебе не женюсь, сама понимаешь, не молодуха, но давай жить вместе».

Одолжение он мне делает. Доверит кормить его драгоценный желудок и махать тряпкой в его доме.

Велика честь, ничего не скажешь.

В сумке снова подал признаки жизни телефон, и я, тихо ругаясь себе под нос, полезла за ним, прекрасно зная, что это начальник.

И ведь знает, что сегодня у меня один единственный законный выходной от его рабства и все равно не может успокоиться.

— Богданов, у тебя есть совесть? — без предисловий рычу в трубку, попутно огибая большую лужу.

— И тебе не хворать, Сима, — звучит до противного бодрый и довольный голос начальника. — Свидание не удалось?

— Все тебе расскажи, — буркнула я. — Так интересует моя личная жизнь, что обрываешь трубку даже в законный выходной?

— Господь с тобой, Сима! — смеется он. — Меня только моя жизнь интересует, но звоню я тебе по делу.

— Внимательно слушаю.

— Конкуренты дельце подкинули. Дела семейные по твоей части. Возьмешься?

— Сколько платят?

Богданов озвучивает более чем достойную сумму, и я, недолго раздумывая, соглашаюсь. У Сеньки скоро курс реабилитации на носу. Деньги лишними не будут, однозначно.

Начальник скидывает мне контакты будущего клиента на

телефон, с сарказмом, гад такой, желает хорошего вечера и отключается.

Вот за что люблю Богданова, так это за его бескорыстность. Подогнал работу и даже процент себе не попросил. При всей своей внешней привлекательности, репутации ловеласа, юрист из него отличный, а еще ему не чужды понятия чести и достоинства, что в наше время практически вымирающие качества для мужика.

Наконец, добралась до сектора платной парковки, где оставила машину, и вздохнула с облегчением, когда уселась за руль своего выдавшего лучшую жизнь Рено Логан. Привычно повернула ключ в зажигании, и мотор послушно затарахтел. Моя машина хоть и выглядит побитой жизнью развалюхой, в ее ремонт я вкладываюсь регулярно. Она отвечает мне за это взаимной бесперебойной работой.

Любовно погладила руль.

Моя пре-е-елесь.

Бросила взгляд в зеркало заднего вида и скривилась от досады. Сзади, нарушая все правила разметки, припарковался огромный черный внедорожник. На первый взгляд место вполне достаточно, чтобы аккуратно выехать. В такие моменты я жалею, что зажабилась и не поставила на машину парктроник. В центре бываю часто, и козлов, которые считают своим долгом таким образом бросить авто, полным-полно. Вот выиграю новое дело и разорюсь на эту приблуду.

Аккуратно, миллиметр за миллиметром, сдаю назад, вы-

ворачиваю руль, напряженно контролирую перед – как-то не хочется прочертить белому мерсу слева весь бок. Снова сдаю и внезапно слышу тихий скрежет.

— Да твою ж... дивизию!

Продолжая тихо ругаться себе под нос, вылетаю из Логана и с ужасом понимаю, что не просто «чиркнула» внедорожник, а разбила ему фару. Оценила тачку, выматерилась и поняла, что сегодня явно не мой день.

Хотя, а чего мне волноваться? Это мужик встал в неположенном месте. Он и виноват.

Хотя не факт.

Правила дорожного движения не мой конек, каюсь. Я хоть и юрист, но все знать просто невозможно.

Судорожно выдохнув, достала из кармана телефон и начала пытаться гугл на тему подобных ДТП, но не успела найти нужный ответ, как за моей спиной раздалось раздраженное:

— В очередной раз убеждаюсь: баба за рулем, что мартышка с гранатой! Девушка, у вас со зрением все нормально? Очки не пробовали себе купить?

Резко оборачиваюсь и вижу перед собой индивида довольно приятной, вполне цивилизованной наружности. На вид не старше пятидесяти, но и не моложе сорока.

Мужчина в самом соку!

Точнее в маринаде.

Иначе, отчего же у него такая кислая и перекошенная морда?

— За девушку, конечно, спасибо, — безмятежно отзываюсь я. — И за заботу тоже. Но очков у меня нет. Может, свои одолжите?

— И что же вы в них будете теперь разглядывать? — кривит губы мужчина. — Мою машину вы уже разбили. Боитесь разбить еще что-то?

— Ага, — радостно откликаюсь я, думая, что с радостью разбила бы ему нос, и вслух добавляю. — Значит, очки у вас все же имеются, а машину вы свою бросили, как попало, чисто из вредности?

Мужик бросает на меня хмурый взгляд и, никак не прокомментировав мои последние слова, огибает наши поцеловавшиеся тачки с левой стороны, вероятно, намереваясь оценить вблизи ущерб.

Пока он занят тем, что разглядывает разбитую фару я украдкой бросаю на него оценивающий взгляд.

Ну, ничего такой.

В меру высокий, в меру упитанный, в меру седой.

Одет в хорошо сидящие джинсы, кожаную куртку и светлый пуловер. Сразу видно, что человек имеет деньги и не привык передвигаться на общественном транспорте. Так что вариант, будто-то он чей-то личный водитель сразу отпадает.

Даже жаль на миг становится, что не водитель. Внешне симпатичный такой мужик, вполне в моем вкусе, но поскольку на богачей у меня аллергия, увы, такому строить глазки не стоит.

Пока я совершенно бесцеремонно разглядываю широкую спину мужчины, он поворачивает голову в мою сторону и небрежно произносит:

— Ладно. Фара не проблема. С меня не убудет. Так что протронь вперед свою колымагу, и я поехал.

В этой его фразе мне не понравилось сразу три вещи: во-первых, индивид с какого-то перепугу начал мне тыкать, во-вторых, решил, что ему можно так просто смыться с места преступления, а в-третьих, какого черта он назвал моего Логана колымагой?!

— Нет, — жестко припечатала я и сложила руки на груди, привычно включая стерву.

— Что значит — нет? — опешил мужик.

— То и значит. Я сейчас вызову ДПС и составим протокол, как и положено в таких случаях.

Мне показалось, или от такой наглости мой собеседник даже не сразу нашелся с ответом. Серые глаза мужчины недовольно прищурились, а сам он всем корпусом подался в мою сторону, видимо думая, что таким образом напугает.

Ха, напугать Серафиму Левину может только ядерная война, но никак не зажавшийся олигарх, упакованный в дорожную куртку.

— Послушай, дамочка...

— Уже не девушка? — насмешливо перебила его я.

— Да без разницы, — процедил он. — Мне некогда с тобой тут в остроумии упражняться. Быстро убрала свою ма-

шину, и я поехал!

— А то что?

— А то попадешь на большие бабки! — угрожающе рыкнул мужик. — Знаешь, сколько стоит фара на мою тачку?

— Знаю, — спокойно кивнула я. — Именно поэтому уже вызвала патруль. Дождемся, все оформим по букве закона, выясним виновного, а потом катитесь со своей дорогушей фарой на все четыре стороны.

— А ты не боишься сама оказаться виновной? — кривит в усмешке губы он.

— Не боюсь. На этот случай страховка имеется. Вот выдадут вам протокол, и вперед штурмовать страховую компанию. Надеюсь, они знатно попортят вам нервы. Зато потом трижды подумаете, прежде чем бросать свою машину в неположенном месте и создавать другим людям проблемы!

Мужчина под конец моей поучительной тирады, кажется, на мгновение выпал в астрал, а затем внезапно расхохотался.

Смеялся он недолго, но громко и заразительно. Я даже на миг залюбовалась им, а после тряхнула головой и поплотней закуталась в пальто. Ледяной порыв ветра напомнил, что уже вечер, утром на работу, а я завтра еще обещала сыну помочь с проектом по истории.

Что за гадский день...

Пока я пыталась понять, когда именно успела прогневить вселенную и запятнать карму, незнакомец перестал смеяться и посмотрел на меня уже несколько по-иному. С интере-

сом... мужским интересом.

Его тяжелый, почти осязаемый взгляд прошелся по моей подчеркнутой приталенным пальто фигуре, лицу, растрепанным волосам, задержался на губах и, словно нехотя, вернулся к глазам.

— Тебя послушать, так страховая компания — это маленький филиал ада, — наконец произнес он, как-то незаметно подбিরаясь ко мне ближе.

— О, вы просто там никогда не были. Не верите? — иронично изогнула бровь я. — Вот завтра сходите и проверите. Так сказать, ощутите все прелести ада на своей шкуре.

— Думаешь?

— Предполагаю.

Наши глаза встретились и застыли на миг, будто в какой-то решающей битве. Его серый взгляд с тяжелой, давящей энергетикой сфокусировался на моем лице, точно лазер прицела, вызывая в душе непонятное волнение и даже страх. Губы мужчины снова искривились в усмешке, когда я, не выдержав, моргнула, разрывая контакт, закрываясь от этого обнажающего душу взора.

Внезапно у него в кармане зазвонил телефон. Мужчина нехотя полез за ним в карман куртки и, не глядя на экран, не просто ответил, а буквально рывкнул, так что даже я на месте подпрыгнула:

— Ну, и какого хрена ты мне наярываешь?!

Собеседник на том конце начал что-то объяснять, и я по-

считала подслушивать чужой разговор дурным тоном. Сначала отошла на несколько шагов, а после, услышав, как незнакомец, не сдерживаясь в матерных эпитетах, кого-то начал отчитывать, решила сесть обратно в автомобиль.

В конце концов, я не обязана торчать на улице с этим невоспитанным типом, мерзнуть и слушать его нецензурщину. Сама я против последнего ничего не имею. Жизнь давно научила посылать людей, не стесняясь в выражениях. Но конкретно в этом случае как-то стало неловко и даже немного жалко собеседника мужчины. Ругался тот уж очень эмоционально и со вкусом. Создавалось впечатление, что незнакомец отчитывает подчиненного. Не удивлюсь, если человеку на том конце уже побежали вызывать скорую.

Едва завела мотор, чтобы немного отогреть озябшие руки, как дверь с водительской стороны распахнулась и над моей головой прогремело:

— Ну, и чего ты тут уселась? Пойдем кофе в тепле попьем. Все равно ждать твоих ДПСников.

Чуть выглянула из машины, бросила на мужчину ледяной взгляд и как можно спокойнее произнесла:

— Пожалуй тут посижу. А вы, конечно, идите.

Сверху раздался тяжелый вздох, и незнакомец, чуть наклонившись, все же сунул голову внутрь салона.

— Я-то уйду, точнее уеду. А ты останешься тут одна, и, поверь, потом ни одна камера в районе ста метров не зафиксирует наше с тобой автомобильное знакомство.

Вот ведь, какой наглец! И как он ловко жонглирует словами. Заслушаешься...

— Хорошо, — нехотя соглашаюсь я, пока еще не совсем понимая, почему ведуся на этот дешевый шантаж.

Выбираюсь из Логана, закрываю дверь и, оборачиваясь, сталкиваюсь с мужчиной буквально лицом к лицу, краем сознания отмечая, что я на каблуках практически одного с ним роста.

— Марат, — представляется он.

Секунд десять мнусь с ответом, испытывая какое-то совершенно детское желание насолить ему и зажать ответ, но разум и понимание собственной глупости берет над собой верх.

— Серафима, — сухо бормочу я, а в следующее мгновение глаза мои расширяются от неожиданности, когда Марат берет меня за руку, кладет ее себе на локоть и куда-то уверенно ведет.

Чувствую себя очень странно. Давно не ходила с мужчиной вот так под ручку. Даже с Глебом не было такого.

Почему?

А черт его знает.

Наверное, это какая-то подсознательная защитная реакция организма, иначе отчего я сейчас чувствую себя так неуверенно?

Марат ведет меня на противоположную сторону от дороги, где расположилось какое-то кафе. Мы заходим внутрь, и,

опять взяв инициативу на себя, мой спутник выбирает столик в самом дальнем углу зала.

— Заказывай что хочешь, — повелевает он, снимает куртку и усаживается напротив меня.

— Экспрессо.

— И все? — удивляется Марат.

— Я только из ресторана, — пожимаю плечами я, невольно привлекая внимание мужчины к открытому платью.

Он оценивающе разглядывает мои голые плечи, ключицы и лениво тянет:

— Он недостоин тебя.

— Вы о ком? — опешила я.

— Тот мужик, с которым ты ужинала.

И снова его слова вогнали меня не просто в ступор, а в полнейшую протрацию. Пока я глупо хлопала глазами и, пытаясь подобрать слова в ответ, Марат облапал меня глазами, откинулся на спинку стула и с язвительной ухмылкой продолжил мысль:

— Мне кажется, ты от него уйдешь.

— Когда кажется, креститься надо! — все же закипаю я.

— Теперь я в этом уверен.

Глава 2

Сима

Самоуверенный наглец!

Нет, мне, конечно, доводилось встречать наглых и настойчивых мужиков. Мой второй муж был из такой категории, но не до такой же степени!

Вы поглядите только на него: развалился на стуле, взглядом меня облизывает и довольно скалится, наивно думая, что покори́л меня своей настойчивостью.

— Любопытно, с какой целью вы делитесь своими догадками? Я для вас совершенно чужая женщина, и ваши слова, как минимум, звучат неприлично.

— А я привык говорить то, что думаю, — ответил Марат и жестом подозвал снующего туда-сюда официанта, давая понять, что мы готовы сделать заказ.

Мне кажется, или в его словах прозвучал своеобразный вызов?

Ощущение, будто этот непонятный тип прощупывает меня, задавая неприятные вопросы и отвечая на мои все так же неприятно. Очень смахивает на какое-то одному ему понятное испытание, для меня, естественно.

— С одной стороны похвальное качество, но мне кажется, если собеседники в ответ будут шокировать подобной откровенностью, вам это мало понравится. Хотите, я расскажу,

что думаю о вас?

Мы на мгновение прерываемся, чтобы сделать заказ. Я решаю позволить себе помимо кофе небольшой десерт из фруктов и воздушного крема, а Марат заказывает чай с чабрецом. Неожиданный выбор для мужчины.

— Внимательно тебя слушаю, Серафима. Мне очень любопытно.

Под его пристальным и немного насмешливым взглядом я невольно тушуюсь. Что ни говори, а энергетика у Марата бешеная. Он мастерски подавляет собеседника одним своим присутствием и взглядом. Для этого ему не надо даже напрягаться.

В обычной жизни я легко заталкиваю за пояс таких властных типов, но у моего нового знакомого есть какое-то неуловимое качество, что-то такое, отчего мой разум выдает сбой в программе.

— Вы эгоист, Марат. Махровый. В каждом человеке есть доля здорового эгоизма, вам же просто наплевать на окружающих. Сегодня вы просто взяли и бросили свою машину, потому что вам так было удобно. Спешили ли вы на важную встречу, или вам просто было лень искать место, не важно. В этот момент вы думали о себе и своем удобстве, а не об окружающих людях. Ну, как, нравится слышать правду о себе?

— Интересно, — неожиданно хмыкнул мужчина. — Но ведь это не все, что ты подумала? Я ошибаюсь?

— Не все, — кивнула я. — Но у меня больше нет желания

продолжать этот разговор.

— А что же ты желаешь?

— Просто попить кофе.

— Выходит, ты тоже эгоистка?

Я не стала отвечать на его вопрос и обратила свое драгоценное внимание на десерт. То, что с этим типом можно до бесконечности упражняться в красноречии, и так понятно.

Не хочется.

А вот десерт очень даже!

Взяла ложку и принялась с аппетитом уминать фрукты со сливочным кремом.

Конечно, помимо эгоизма, я могла навешать на Марата еще кучу всяких ярлыков, но, как по мне, зачем впустую сотрясать воздух?

Совсем скоро приедет патрульная служба, составим акт и разойдемся, как в море корабли. Он поедет по своим делам, а я по своим.

Поэтому набираемся терпения, наглости и спокойно кушаем десерт, стараясь не замечать мужчину напротив.

Но блин!

Как его не замечать, если он смотрит на меня так, словно сам был бы не против слизать с моих губ крем от десерта?

Совершенно безответный тип!

Разве это законно вот так вот смотреть?

Внезапно я поняла, отчего так притягателен и порочен его взгляд, отчего все мои рецепторы и восприятие обострены

до предела.

Он хищник!

Серый волк!

А волк, как любой охотник, перед тем как загнать жертву манипулирует ею.

Э, нет волчара. Нам с тобой точно не по пути. Я не хочу ломать зубы о твою непробиваемую шкуру. Ты же сожрешь меня, не подавишься, отряхнешься и дальше пойдешь, а я потом буду по косточкам себя собирать и раны зализывать.

— Вкусно? — негромко и хрипло поинтересовался он.

— Очень! — оскалилась я в провокационной улыбке. — Хотите попробовать?

Марат может и хотел, но тут экран его телефона, что лежал на столе, загорелся и пиликнул, оповещая владельца о входящем сообщении.

— Извини, по работе срочно, — бросил он и принялся читать и пролистывать содержимое.

Да я не против. Тем более, что после кофе мне очень захотелось посетить дамскую комнату. Прихватив телефон и сумку, бодро отправилась искать туалет. Он нашелся без труда и даже оказался не занят. Там быстро сделав насущные делишки, я критически оценила свой внешний вид, слегка потекший макияж и решила ничего не поправлять. Еще не хватало, что бы Марат подумал, будто я для него прихорашиваюсь.

Вернулась за стол и, бросив взгляд на часы, с раздражени-

ем поняла, что прошло уже больше часа с того момента, как я вызвала ДПСников.

Быстро набрала горячую линию, терпеливо дождалась, когда робот переведет меня на оператора, назвала номер вызова и слегка офигела, когда мне в ответ прилетело:

— Ваша заявка была отменена.

— Как отменена? Я ничего не отменяла!

— Подождите, я уточню информацию, — не хуже работа монотонно сказала девушка и врубила мне в ухо музыку.

Секунд десять я раздраженно барабанила ногтями по столу, терпеливо ожидая ответ, а потом чуть не зарычала от злости, когда связь оборвалась.

— Гадство какое-то!

— Что-то случилось? — участливо поинтересовался Марат.

— Представляешь, — от волнения невольно отбросила подчеркнутые формальности в общении, — у них там какой-то сбой, и моя заявка отменилась.

— Да ты что! — вскинул брови мужчина. — Как такое могло произойти?

— Понятия не имею, — расстроенно пожала плечами. — Сейчас по новой вызывать придется. Черт! На телефоне два процента осталось. Сейчас я быстро сбегая за зарядкой в машину.

— Я с тобой, — подскочил мужчина, галантно помогая одеть мне пальто.

Сдержанно его поблагодарила, удивляясь какой-то едва уловимой перемене в его поведении, и направилась на выход.

На улице в лицо сразу дунул ледяной порыв ветра. Зябко поежилась и поспешила вперед, но внезапно нога подвернулась и я, нелепо взмахнув руками, стала заваливаться на бок.

— Осторожней!

Марат вовремя поймал меня, не дав упасть, и придержал за талию, пока я переводила дыхание и восстанавливала ориентацию в пространстве.

— Спасибо.

И тут пришло осознание, что наши лица находятся в опасной близости друг от друга. Серые глаза с хищным прищуром, гипнотизируют меня, затягивая в свой колдовской омут. Сильные руки уже не просто придерживают, а обнимают, плотнее прижимая к напряженному мужскому телу. Марат смотрит на меня без тени улыбки, так, словно прямо здесь не прочь сожрать.

И самое страшное во всем этом то, что, кажется... мне очень хочется быть сожранной...

Внезапно за спиной раздается сигнал автомобиля. Я вздрагиваю в руках Марата, на миг теряя зрительный контакт, и безумное наваждение развеивается. Чуть шевелюсь в его объятиях, как бы намекая, что пора уже и отпустить.

Я не твоя добыча на сегодня.

Руки мужчины на какое-то мгновение, будто повинуюсь инстинкту, протестующе сжимаются еще сильнее, а после

слабеют, а затем и вовсе отпускают.

— Все в порядке? — ровным тоном интересуется он.

Создается впечатление, что это не он минуту назад хотел наброситься с поцелуем прямо на улице.

— Д-да, — чуть с запинкой отзываюсь я и, наконец, отступаю.

Без его тепла сразу становится холодно. Я зябко веду плечами, поправляю сумку и прячу руки в карманы пальто.

— Все нормально, — непонятно зачем повторяюсь я. — Пошли.

Движемся в сторону по направлению к парковке и, чем ближе мы подходим, тем больше я понимаю, что что-то не так. Еще буквально пара шагов, зрение фокусируется на том месте, где на всю парковку раскорячились наши машины, и я шокировано торможу на месте.

— Где моя машина?! — из груди вырывается не свойственный мне истеричный визг.

На всякий случай тру глаза, лелея слабую надежду на то, что это все же обман зрения, но реальность такова — мой любимый, верный Логан на месте отсутствует, равно как и навороченный внедорожник моего нового знакомого. И тут возникает сразу две версии: либо наши машины украли, либо кто-то их просто забрал по чьему-то приказу. И поскольку на моего старенького Логана никто бы в жизни не позарился, второй вариант кажется все менее фантастическим.

— Это ты! — повернувшись к Марату, обличительно тычу

в него пальцем. — Зачем ты украл мою машину?!

— Я ее не крал. Ее просто забрали в ремонт. Завтра вернут в целости, сохранности, с новым бампером прямо под ворота твоего дома.

То есть, он уже знает, где я живу?!

У меня даже слов не нашлось для достойного ответа. Как дура уставилась на безмятежную морду этого гада, который внезапно решил без спросу влезть в чужую жизнь и командовать.

— Так вот, значит, кто отменил мой вызов, — негромко, но достаточно грозно произнесла я. — Вам в детстве не говорили, Марат, что врать это плохо?

— Я не врал, — уголки тонких губ дернулись, будто он едва сдерживает улыбку. — Не договаривал.

Тяжелый вздох помимо воли вырывается из моей груди. Всеми силами стараясь не истерить, а сохранить более-менее, насколько это возможно, адекватную реакцию, не перестаю задаваться вопросом: как вообще можно быть таким наглым? Это не мужик, а просто бронепоезд какой-то!

И на кой, спрашивается, ему все это понадобилось?

Неужели, так понравилась?

Где-то глубоко внутри ликующе трясет помпонами женское самолюбие. Правда, я никогда на него особо не жаловалась. Сама знаю, что довольно привлекательна. Но даже оно не может перекрыть волну раздражения, которую вызывает самоуверенность Марата.

— Ладно, — сдержанно киваю я, холодно глядя на мужчину. — Какова цель всего этого цирка?

— Я просто избавляю тебя от лишних мучений, — заявил он.

Вопросительно изогнула бровь, требуя дополнительных пояснений.

— Сказать по правде, именно я виноват в аварии. Как-то нечестно получается: виноват я, а тебе штурмовать филиал ада на земле.

— Какой вы, оказывается, совестливый, — наигранно ахнула, продолжая буравить Марата недобрый взглядом. — И как я теперь домой поеду?

— Сёма доведет.

Мужчина кивает в сторону еще одного черного внедорожника, который чем-то неуловимо похож на авто Марата.

Задавать глупые вопросы типа, кто такой Сёма и с какого перепуга будет катать незнакомую тетку, не стала. Все и так понятно.

Вместо слов достала из сумки телефон, в надежде, что там еще остались те несчастные два процента, но, увы, едва я разблокировала экран, как тот загорелся и потух, извещая о том, что он сдох и уже не включится.

Марат, пристально наблюдавший за моими манипуляциями, расплылся в довольной улыбке.

— Не переживай, Серафима. Даю слово, что никто тебя не обидит.

Угу, так говорит каждый второй маньяк.

Конкретно этот с нескрываемым предвкушением опять пожирает глазами мое лицо и деловито предлагает пройти в машину. Его определенно заводит эта игра. В особенности то, что она идет по его правилам, а я, как жертва обстоятельств, обязана им следовать.

Тут, правда, мой новый знакомый крупно просчитался.

Я давно не живу по чьим-либо правилам, а конкретно сейчас и вовсе горю желанием послать, желательно матом, этого напыщенного индюка вместе с его благотворительностью.

Но я же леди.

Да?

А значит, и вести себя надо соответственно.

— Надеюсь, вы сдержите свое слово, и моя машина завтра к шести утра появится около дома? — невинно интересуюсь.

— Разумеется, — расплывшись в чеширской улыбке, отвечает Марат.

— Отлично, — скалюсь в ответ. — Тогда всего вам хорошего. Не скажу, что приятно было познакомиться.

Не дав мужчине толком опомниться, шустро стартую в сторону автобусной остановки. Туда, на мою удачу, как раз подъехала желтая ГАЗелька.

К чести Марата, он не кидается за мной следом. Это было бы, по меньшей мере, глупо. Он просто стоит, засунув руки в карманы джинсов, и гипнотизирует взглядом мою удаляющуюся фигуру.

Я же, не глядя на номер маршрутки, забираюсь внутрь, без сил падаю на свободное сиденье и прикрываю глаза. В грудной клетке от переизбытка эмоций неистово колотится сердце, голова слегка чумная, а губ касается едва заметная лукавая улыбка.

И все же стоит признать – этому наглецу удалось меня зацепить.

Совсем немного.

Когда я, наконец, добралась до дома, на город уже опустилась ночь.

Выползла из автобуса, проклиная одного самодовольного наглого козла и свою тупую доверчивость, уныло посмотрела на оттоптанные чужими ботинками итальянские сапожки на каблуке и со вздохом поковыляла в сторону дома.

Пока шла, пыталась вспомнить, когда последний раз мой выходной вечер проходил так же паршиво, и поняла, что это было достаточно давно. Я в то время еще была замужем за Алексеевым.

Вывод напрашивался сам собой: все зло от мужиков!

Чтоб всем моим бывшим икалось!

Нет, я не считаю себя мужененавистницей или, еще хуже, феминисткой, просто, наверное, не попался мне еще такой мужчина, которого я бы смогла терпеть всю свою жизнь и радоваться такому счастью. Ведь если все иначе, то нафиг такой мужчина сдался. Уж лучше мурлыканье десяти кошек

под ухом на старости лет, чем брюзжание ненавистного деда под боком. И как бы глупо и банально это не звучало, но такова жизнь.

Минут пятнадцать быстрого шага на десятисантиметровых шпильках знатно вымотали меня. До дома еще далеко, а я уже выискиваю взглядом соседские лавочки для того, чтобы присесть и передохнуть.

Отец с Сенькой, наверное, уже поисковый отряд снаряжают.

Потеряли маму.

Обычно, если я задерживаюсь допоздна, то всегда их предупреждаю, но кто ж думал, что меня именно сегодня осчастливит своим вниманием настоящий олигарх. Знала бы заранее, триста раз обошла ту злосчастную парковку стороной.

И зачем я только пошла с ним в кафе?

Сейчас бы уже давно была дома, принимала горячую ванну, и пила вкусный чай с лимоном. А вместо этого пришлось добираться с тремя пересадками на маршрутках и идти пешком, едва волоча ноги от усталости. А ведь завтра на работу...

И зачем, спрашивается, купила дом так далеко от остановки?

После развода со вторым мужем, вопреки ожиданиям всех знакомых и подруг, богатства мне не перепало. Алексей вернулся к своей богатой жизни в особняке на Поле чудес,

а я в свою разбитую хрущёвку.

Денег катастрофически не хватало. Все, что я зарабатывала помощником судьи, уходило на еду, проезд и лекарства для сына, пока однажды судьба не свела меня с Богдановым. Он оказался довольно щедрым работодателем, и уже через пару лет я накопила денег, взяла кредит и решила купить частный дом.

Правда, этих денег хватило только на небольшой коттедж в пригороде с ограниченной транспортной доступностью. На тот момент меня это не пугало, зато радовала перспектива жизни на свежем воздухе и, в особенности, возможность для Сеньки самостоятельно выбиваться во двор и на улицу.

О покупке дома я не жалела ни дня.

До сегодняшнего вечера...

Шучу, конечно.

Наконец, после еще одного спринтерского забега на каблуках, уже близко показалась зеленая крыша моего дома, а затем и уличные фонари на веранде – верный признак того, что отец бдит.

С трудом переводя дыхание и грея озябшие руки, достала ключи от калитки, но не успела их вставить в замок, как дверь распахнулась, и на меня, сурово сдвинув мохнатые седые брови, уставился папа.

— Сима! — с порога гаркнул он так, что я от неожиданности подпрыгнула. — Ты на часы давно глядела?!

— Пап, у меня телефон разрядился, — продемонстриро-

вала родителю потухший экран смартфона, уже чуя, что без допроса с пристрастием на этот раз не обойдется.

Вообще отец у меня мировой мужик. Всем бы такого замечательного отца, как у меня. Но, как у любого любящего родителя, у него есть свои недостатки, а именно чрезмерная опека дочери, пусть ей и самой скоро стукнет четыре десятка.

— Не понял? — Альберт Викторович выглянул за ворота и с удивлением уставился в пустоту. — А где машина?

— Сломалась, — уверенно ответила я.

— Опять? — хмыкнул он. — Говорил я тебе, Жигуленка надо брать, а ты меня не слушала.

— Пап, ты опять начинаешь? — с укором уставилась на родителя.

— Я? — притворно изумился он. — Ничего я не начинаю. Это машина твоя лягушачья все ломается и ломается, ломается и ломается. А нашу советскую хрен ломаешь!

— Она бы вообще не ездила, — хмыкнула я.

— Лучше всех ездила! Я б ее тебе в гараже нашем чинил, и не пришлось тогда тратить деньги на этих спекулянтов!

Ну все, папа сел на любимого конька и теперь не успокоится, пока не перемоеет кости всем «спекулянтам» и «буржуйам» нашего современного общества.

Но лучше уж пусть так, чем допрос с пристрастием. А то с Альберта Викторовича станется поинтересоваться, почему я Логана на эвакуаторе домой не дотащила. Папу я, конечно,

но, люблю, но не до такой степени, чтобы посвящать в свою личную жизнь.

Разувшись в прихожей на коврик, пристроила сапоги на полку, повесила пальто на вешалку и сразу отправилась на кухню.

— Где Сенька? — спросила я у папы, не заметив в гостиной сына.

— У себя, — пожал плечами отец. — Рисует.

— Опять?

— Снова, — вздохнул он и открыл холодильник. — Ты борщ будешь?

— Буду, — кивнула я и, помыв руки на кухне под краном, отправилась в комнату к сыну.

Тот, как и сказал отец, что-то рисовал. Пристроил мольберт прямо у окна и направил свет от настольной лампы таким образом, чтобы комната приобрела причудливые и даже мистические формы.

Я коротко постучала в косяк двери и мягко улыбнулась:

— Привет. Ты занят?

Сенька выглянул из-за мольберта, сдунул со лба модную длинную челку и с кислым видом вернул измученную улыбку, замечая очевидное:

— Ты долго сегодня.

— Наш Логан сломался.

— Я так и подумал, — сын бросил на меня загадочный взгляд, а после негромко зажужжал моторчик инвалидного

кресла, и он, ловко обогнув мольберт, выехал на середину комнаты.

Через месяц моему сыну исполнится семнадцать лет, но он выглядит таким худым, бледным и хрупким в объятиях инвалидного кресла, что верится в это с трудом. Пройдет год, и он станет совсем взрослым, но все еще беспомощным, и осознание этого каждое мгновение бьет стрелой по чуткому материнскому сердцу.

У Сени с рождения стоит диагноз – детский церебральный паралич. Он родился намного раньше положенного срока, совсем слабый. Врачи и не надеялись его выходить, но он вопреки прогнозам выжил и вырос. Жаль, что только в интеллекте, ведь самое страстное мое желание – увидеть, как он однажды пройдет босиком по зеленой траве своими ногами – так и остается призрачной надеждой.

Мне часто говорят, что я гневлю Бога.

Возможно, так оно и есть.

— У вашего сына сохранены все когнитивные способности, он может сидеть, отсутствуют приступы эпилепсии. Что вам еще надо при вашем диагнозе, женщина?! – возмущаются часто врачи. — Вы должны радоваться тому, что имеете! Арсений у вас такой молодец.

И я радуюсь. Киваю всем этим важным теткам из нашего реабилитационного центра и улыбаюсь, как дурочка, потому что во многом то, что есть сейчас – это и их заслуга тоже.

— Ты ужинал? — спрашиваю у Сеньки, когда тот, дело-

вито объехав меня, подъезжает к стеллажу, где хранятся его рисовальные принадлежности.

— Угу.

— Что-то не слышу я в твоём голосе уверенности. Мне пойти у деда спросить?

— Мам, я не голоден, — бурчит он, не вынимая головы из коробки с красками.

— Ты опять за старое взялся? — хмуро смотрю на него, сложив руки на груди. — Напомнить, что на последнем визите говорила Лилия Витальевна?

— Вот не начинай только! — огрызается сын. — Тошнит уже от твоей этой Витальевны.

И все это, даже не повернув голову в мою сторону.

— Я так и буду разговаривать с твоей спиной? — сухо интересуюсь у сына. — Что за бунт на корабле?

Он, наконец, поднимает голову и смотрит на меня своими пронзительными голубыми глазами. Точь-в-точь как у его отца.

— Мам, может, хватит? — устало произносит он. — Выйди уже, в конце концов, замуж за своего Глеба, роди ему ребенка и воспитывай его. Я вырос.

Так и замерла с открытым ртом, с трудом переваривая услышанное.

— Это что за гад вложил в твою сильно «умную» голову такие мысли? — с трудом сдерживая злость, интересуюсь я. — Уж не папа ли?

Судя по тому, как забежали чудесные глазки сына, и щеки опалил легкий румянец стыда — он самый.

Ну, Левин! Ну, скотина ты эдакая! Приди в пятницу с тортиком. Я тебе этот торт на рожу намажу.

— Да будет тебе известно, сын, — решительно начала я. — Глеб сегодня получил отставку. Поэтому даже не надейся в ближайшем будущем от мамки избавиться. Если ты опять потеряешь в весе, снова начну с ложки кормить. Понятно?

— Я не маленький! — сверкая глазищами, воскликнул Сенька.

— Не маленький, — согласилась я. — Вот и веди себя соответственно. Пока я от тебя слышу одно только нытье.

Конечно, он насупился и, даже может, обиделся, но буквально через десять минут, после того, как я демонстративно ушла на кухню, приехал и так же молча подкатил к столу.

Дед тут же взметнулся и налил драгоценному внуку тарелку борща. Сенька недобро на меня зыркнул из-под своей модной челки и...принялся есть.

Остаток вечера прошел тихо, мирно и спокойно. Сын, доев борщ, снова укатил писать на холсте свои шедевры, а мы с отцом устроились перед телевизором, чтобы посмотреть и обсудить последние недельные новости. Не то чтобы я это дело любила. Мне проще утром за чашкой бодрящего кофе быстро пролистнуть новостную ленту, но отец нуждался в компании. С самим собой комментировать наших и зарубежных политиков не так интересно.

Раньше, когда мама была жива, они каждое воскресенье устраивали совместные баталии. Ее не стало четыре года назад. Ушла внезапно от инсульта. Не успели даже довезти до больницы. С тех пор отец живет с нами. Помогает мне с Сенькой и спасается от одиночества тем, что варит борщи, да возится в огороде. Я же в свою очередь очень ценю его любовь, помощь и поэтому никогда не отказываю в такой малости, как потратить час своего времени, чтобы посоревноваться с ним в красноречии.

Наконец все новости обсудили, посуду помыли, продукты в холодильник убрали. Пора и по комнатам.

Но тут отец внезапно замирает на полдороги из кухни, оборачивается и смотрит на меня... подозрительно так.

— А чего ты свою лягушку до дома не дотащила? Я как-то сразу и забыл спросить, из головы вылетело.

— А-а-а, — замялась я, лихорадочно соображая. — Так Федьке Прохорову позвонила. Он согласился ее сегодня к себе в гараж дотащить. Завтра чинить будет.

— А, ну, хорошо, — сказал папа, удовлетворенный ответом. — А то я уж переживать начал. Вдруг угнали, а ты признаваться не хочешь.

Эх, папа-папа. Ты не так далек от истины.

Чую на работу мне завтра чесать на такси. Иначе я просто не успею. А это дополнительные траты, которые я никак не могу позволить себе в этом месяце. Значит, на чем-то придется экономить.

С тоской посмотрела на свой уже далеко не идеальный маникюр и горестно вздохнула. Ну ладно, в следующем месяце сделаю. А пока придется как-то самой красоту наводить.

Глава 3

Сима

Утро встретило меня звуком разрывающегося будильника и непривычной прохладой в комнате. Приоткрыла глаза, пошевелилась под одеялом —зябко, однако. Затем поняла, что у меня нос, это единственное, что торчит под-под одеяла, совсем ледяной, а потом припомнилось, что, мучаясь от внезапной бессонницы, я приоткрыла окно. Уснуть-то я уснула, но окно закрыть было некому, поэтому сейчас в спальне царил настоящий холод.

Пару минут полежала, потирая теплой ладонью оледеневший нос, затем подтянула к себе поближе телефон, посмотрела на часы и поняла, что больше валяться никак нельзя. Сегодня я без машины, поэтому надо собраться раньше обычного. Не факт, что такси приедет вовремя.

Встала, накинула теплый пушистый халат и пошлепала босыми ногами к окну, чтобы его, наконец, закрыть и прекратить это ледяное безобразие. Зябко переступила с ноги на ногу и в надежде выглянула из окошка на улицу.

А вдруг там все же стоит мой Logan?

Старательно прищуриваюсь, вглядываясь в туманный рассвет, из груди вырывается разочарованный вздох. Зря только надеялась, естественно мой любимый Logan у дома отсутствует.

Похоже, придется сегодня идти подавать заявление на угон автомобиля и стараться пробить этого загадочного типа – Марата. Как жаль, что я не запомнила номера его внедорожника. Они бы сейчас очень пригодились.

Даже если попытаться подпрячь в это дело Богданова, он не волшебник, и не думаю, что способен найти человека по одному имени и скупому описанию внешности, так как особых примет у Марата не имеется. Мужик, как мужик, разве, что наглый очень.

Вздыхнула, постояла еще с полминутки у окна, непонятно зачем тупо таращась на розовые полосы в небе и пошла в ванную.

Вот уже много лет я живу по одному и тому же правилу: не жалея себя принимаю контрастный душ, невзирая на настроение и непогоду делаю легкий макияж и надеваю идеально выглаженную одежду.

Да, я педантична до зубного скрежета, но это именно тот жизненный фундамент, который позволяет мне держаться на плаву и в любые, даже самые тяжелые, времена держать лицо, с надеждой заглядывая в светлое будущее.

Пока собираю свои длинные тяжелые черные волосы в тугой хвост, внимательно всматриваюсь в лицо, которое благодаря половине бессонной ночи выглядит уже далеко не молодо и свежо. Годы не щадят никого. И даже я, имея в целом неплохую генетику, уже выгляжу практически на свой реальный возраст. Мелкие морщины вокруг глаз и поплыв-

ший овал лица говорят сами за себя.

Жалею ли я о потерянных годах?

Ни капельки!

Молодость и красота не принесли мне счастья.

Гораздо больше мне дала пришедшая зрелость, опыт и твердая жизненная позиция, которой я придерживаюсь несмотря ни на что.

Именно поэтому я не маскирую свои годы, не делаю «уколы красоты» и не хожу в спортзал, чтобы выглядеть стройной и подтянутой молодухой. Люблю себя такой, какая я есть, а на остальные заморочки у меня просто не хватает времени.

Закончив с прической, достаю из шкафа красивый темно-синий приталенный жакет и в тон к нему удобные брюки. Весна уже вступает в свои права, и душа требует какого-то романтического платья, но я глушу в себе этот порыв, в виду отсутствия авто. Обратно домой планирую ехать на маршрутке и в платье рискую не только выглядеть нелепо, но и заболеть.

А последнее никак в мои планы не входило. Нужно отработать несколько клиентов Богданова, а потом заняться сброшенной им же подработкой. Деньги мне в следующем месяце очень даже понадобятся.

Спускаюсь со второго этажа вниз, иду на кухню, чтобы сварить себе чашку настоящего кофе, а тут уже отец мешает ложкой кашу и параллельно приглядывает за туркой на плите.

— Встала? — оглядывается он на меня. — Садись, сейчас тебе кофе налью.

Вот что бы я без него делала?

Благодарность теплом разливается в груди и щемит сердце, когда папа, шаркая домашними тапками, подходит к столу и садится напротив, одновременно ставя передо мной чашку крепкого черного кофе, а перед собой кружку с чаем.

Минут десять-пятнадцать мы завтракаем, наслаждаясь легкой утренней беседой и обсуждением текущих бытовых дел. Я параллельно заказываю такси в приложении. Вскоре приходит сообщение, что машина подъедет через семь минут, и я, быстро допив кофе и кинув в рот печенку соленого крекера, спешу в прихожую, а затем и на выход.

Следом на порог, накинув рабочую куртку, выходит отец, чтобы проводить и закрыть за мной двери, а буквально через несколько мгновений за забором слышится шум подъехавшего автомобиля.

— Как быстро приехало, — удивляюсь я и торопливо иду к калитке.

На пару с родителем мы выходим на улицу и с еще большим изумлением смотрим на огромный черный джип, что остановился перед воротами.

— Э-э-э, — чешет репу Альберт Викторович. — Сим, а это точно такси?

Я не успеваю и рта открыть для ответа, как следом за внедорожником подъезжает мой Логан. Тормозит практически

рядом с нами, а затем дверь со стороны водителя открывается, и оттуда вылезает молодой парнишка чуть старше моего Сеньки на вид.

— Здрасьте! — задорно улыбается он и поворачивает голову в сторону внедорожника.

Мы с отцом одновременно вздрагиваем и переглядываемся.

Из черного монстра выходит высокий бритоголовый тип криминальной наружности, приближается к нам и, перекаывая во рту зубочистку, спрашивает:

— Левина Серафима Альбертовна?!

— Да, — сдержанно киваю я, внутри обмирая от непонятного страха.

Мужик внимательно меня оглядывает, каким-то не то чтобы похабным, скорее любопытным взглядом, усмехается, являя нашему с отцом ошарашенному взору тридцать два золотых зуба, и приказывает парнишке:

— Пудель, а ну тащи ключи!

Парень с совершенно невероятной и, на мой взгляд, несколько обидной кличкой, ничуть не обидевшись, глушит движок Логана и, подойдя ближе, протягивает ключи с моим брелоком.

— Я там вашего малыша прокачал немного, — с шальной улыбкой заявляет он. — Надеюсь, оцените.

Я настолько в шоке, что даже ответить ничего толком не могу, разве что принять ключи и судорожно кивнуть.

— Ну, тогда пакеда! — машет парень и вслед за золотозубым мужиком идет во внедорожник.

Через несколько секунд хлопают двери черного джипа, и он, развернувшись, уезжает, оставив нас с отцом переваривать произошедшее.

— Сима, — первым отмирает Альберт Викторович. — Ты ничего мне не хочешь рассказать? Это ж ведь точно не Федька Прохоров был.

Рассеянно смотрю сначала на отца, потом на свой Логан и понимаю, что последнему не только задний бампер заменили, но и передний, а еще, кажется, на нем новая резина и диски.

Ничего не понимаю...

Это что вообще сейчас было?

Отделаться от папы было непросто. Если уж Альберт Викторович решил что-то выпытать, то он это обязательно выпытает, и даже сверх того, но я его дочь, поэтому меня так просто не возьмешь голыми руками.

Под отцово бурчание «вырастил не дочь, а партизанку» я, сославшись на то, что опаздываю на работу, села в свой обновленный Логан и стартанула с места так, словно у меня под капотом не несчастные полудохлые девяносто восемь лошадей, а по меньшей мере двести бешеных мустангов.

Уже в дороге я немного пришла в себя и, останавливаясь на каждом перекрестке, пока горит красный свет, не пере-

ставала рассматривать и трогать своего обновленного Логана, радуясь, как дурочка, и новеньким чехольчикам, и прохимчищенному потоку, и даже супер-пуперской камере заднего вида.

Такой тоненький намек на толстые обстоятельства. Ага...

Впрочем, меня все это как раз не опечалило, скорее, впечатлило, и, признаться, невероятно порадовало.

Оказывается, есть на свете мужики, которые не просто держат свое слово, а еще и подходят к его реализации с таким грандиозным размахом.

Помимо обновленного интерьера и экстерьера мой верный железный друг явно был знатно обновлен в техническом плане. Перестала стучать на ухабах подвеска, больше не глючит стартер при заведении движка.

Да и вообще, у меня теперь не машина, а самый настоящий зверь!

Осталось теперь только понять, что за зверь мужчина, который может позволить делать такие подарки совершенно незнакомым женщинам.

Уж точно не прекрасный благородный олень.

И как, самое главное, мне реагировать на подобное проявление щедрости?

С одной стороны – мужик знатно потратился, и от этой мысли мне очень даже не по себе. Потому что после второго развода я зареклась принимать от мужчин подарки дороже букета из пяти роз. Больше позволено, разве что, Богдано-

ву, и то, в виде премии к международному женскому дню. Но с другой – я его об этом всё не просила.

Не ехать же мне в гараж к Федьке Прохорову и не демонтировать все эти новомодные гаджеты.

А даже если так.

Вот кому я их верну, если Марат сам сегодня не соизволил явиться, а прислал этого бритоголового мужика с Пуделем на пару?

Предположим, в ближайшее время Марат объявится.

И что?

Сгрести запчасти в коробку и вручить ему с гордым видом и словами «я не такая»?

Глупее ничего и не придумаешь.

Так ведут себя только молоденькие девочки, а взрослые умные и самодостаточные женщины принимают навязанный подарок с достоинством истинной королевы и отправляют его дарителя на курсы повышения квалификации. И пока тот не достигнет королевского уровня, пускай не возвращается.

На работу я приезжаю в более чем приятном расположении духа.

Открываю наш с Богдановым офис и, пока еще есть время до начала рабочего дня, позволяю себе насладиться чашкой кофе и кусочком вкусной молочной шоколадки.

Минут через пятнадцать в офис врывается Алексей Богданов и прямо с порога, еще не сняв свое стильное бежевое пальто, начинает диктовать мне текущие задачи. Я хватаю

ежедневник, бегу за ним, едва успевая записывать.

— Заседание по Барянцеву перенесли на послезавтра. Поэтому мне срочно, просто молниеносно быстро, нужна информация по материалам дела. Смотаешься в суд?

Я мысленно прикидываю свои дела не сегодня и, решив, что все успею, если немного задержусь, меркантильно заявляю:

— Денег на бензин дашь — смотаюсь.

— А денег на автобус тебе не дать? — ничуть не удивившись моей борзости, парирует начальник.

— Тогда иск Золотаревой будешь составлять сам. Я не успею.

Богданов тихо смеется и, обаятельно сверкнув улыбкой, говорит:

— Ух, страшная ты женщина, Сима. Выходи за меня. Буду за тобой, как за каменной стеной.

— В очередь, — ехидно скалюсь в ответ. — Нынче каменная стена всем нужна. В дефиците.

Мы еще несколько минут шутим, упражняясь в остроумии, и после начальник переводит мне на карту деньги на бензин, и я, подхватив сумку, уматываю в суд. Первая половина дня в бегах по коридорам суда и не самом приятном общении с местной канцелярией проходит незаметно. Вторая пролетает еще быстрее. И лишь к самому вечеру, когда я, наконец, добравшись до Богдановской подработки, немного выдыхаю, неожиданно для себя осознаю, что Марат за целый

день так и не объявился. Хотя по всем законам жанра был просто обязан это сделать.

На всякий случай проверяю телефон на предмет звонков со всяких незнакомых номеров и, не обнаружив их, чувствую неприятно копошащееся в душе разочарование.

Сделал такой эффектный подарок и даже не объявился.

Ну, как так-то?

И самое главное – почему меня это так задевает?

Пока распечатываются документы на принтере, я глубоко-комысленно грызу шариковую ручку и думаю о том, о чем в принципе не должна.

Не пришел и не пришел.

Нашла проблему...

У меня других дел навалом! Например, неоплаченный счет за предстоящую реабилитацию Сеньки.

Я пытаюсь переключить свою энергию в другое русло и заняться, наконец, подработкой, гонорар от которой поможет хотя бы частично оплатить этот самый счет, но мысли то и дело возвращаются к Марату.

Так, надо срочно эти непотребные раздумья заесть.

Минут через десять, где-то на втором куске «успокаивающей» шоколадки, ловлю себя на том, что этот наглец каким-то образом заставил меня думать о нем столько, сколько я о Глебе не думала за всю историю нашего знакомства.

И как у него это получается?!

Со злостью захлопываю ящик стола, в котором хранится

мой персональный релакс, и решительно забираю распечатки с принтера.

Хватит прохлаждаться!

Юриста кормят мозги и ноги.

Ноги мои уже за целый день набегались, теперь пришла очередь и мозгам потрудиться.

Сначала я с привычным интересом изучаю документы, а также письменное обоснование Богданова со слов будущего доверителя, а после коротко вздыхаю.

Очередной бракоразводный процесс с дележкой совместно нажитого имущества, которого в общем-то было нажито немало. Слаба богу, детей они делить не намерены. Кроме мамы, они оказались никому не нужны.

Ситуация стандартная. Мужиков, как всегда, интересуют только деньги, а дети как-нибудь и без них вырастут.

Богданов точно знал, кому отдает это дело. Сам он больше по экономическим хитросплетениям специалист, а мне доверяет вот такие истории, с зареванными обманутыми бывшими женами, прекрасно зная, что я на этом собаку съела. Оставляю мужиков без штанов, в пользу бывших возлюбленных, естественно.

— Я одного не могу понять, Сима, — заявил однажды, еще в начале нашего знакомства начальник. — Ты была замужем за Алексеевым долгих пять лет. Мозги у тебя есть, руки-ноги на месте. Почему ты не оттяпала у него денег себе хоть на жилье? Купила бы дом, о котором так мечтаешь.

Ответ на этот вопрос дать не так-то просто. Богданов, как, впрочем, и многие мои клиенты знают Серафиму Альбертовну, как довольно меркантильную особу. Но мало кто в курсе, что меркантильность эта касается только моих личных, заработанных своим трудом и потом денег.

Деньги мужа для меня – это нечто другое.

И ладно бы муж был щедрый, но, когда он жуткий скупердйй и жмот, деньги брать у него – это так низко.

Довольно быстро я определилась со стратегией будущего иска по делу доверительницы, набросала кое-какие заявления, составила договор на юридические услуги и собралась уже было уходить, как дверь офиса внезапно распахнулась, и порог переступил мужчина.

Вернее, сначала я увидела огромный букет моих любимым чайных роз, который был так огромен, что закрыл собой их дарителя.

Сердечко в груди встрепенулось.

Марат объявился – решила я, чувствуя, как слабеют от волнения ноги.

Мужская фигура двинулась вперед, букет упал мне на стол, придавливая документы, и вместо наглых глаз серого волка, на меня уставились карие, блестящие щенячьим восторгом зенки ненавистного бывшего мужа.

— Левин! Какого пекинеса ты тут делаешь? — гаркнула я так, что бывший сменился в лице.

— К-к-к тебе пришел, — заикаясь, ответил Игорек и по-

пытался вручить мне цветы.

Не знаю, что меня больше разозлило: внезапные неоправданные ожидания, или бесхребетная морда бывшего мужа, но отчего-то возникло острое желание отхлестать его этим букетом по всем незащищенным участкам кожи.

Если я кого-то и ненавижу в этой жизни, так это Левина. Ненависть эта не лютая. Она какая-то перманентная, колеблющаяся от презрительной жалости, к откровенной ярости.

Любое наше общение с ним похоже на пытку. С трудом перевариваю его присутствие, но приходится перебарывать себя ради Сеньки.

Не так давно, где-то с год назад, Левин изъявил желание общаться с сыном. Я была категорически против, но меня переубедил отец, сказав, что как ни крути это законное право Левина, и даже такая прошаренная дама, как я, никоим образом не может отобрать его. Тем более, характеристики у Игорька более чем впечатляющие.

Любящий муж, отец троих детей, не считая нашего с ним общего сына, примерный семьянин, передовик административной работы при управе города, проще – чиновник средней руки, Игорь Левин почти идеальный мужчина, если бы не его патологическая трусость и лицемерие.

Он не виноват.

Таким его воспитала мама.

И это не лечится.

— Зря пришел, — тяжело бросила я и начала шустро со-

бираться. — Я уже ухожу.

— Отлично! — обрадовался Игорь. — Я как раз хотел пригласить тебя куда-нибудь посидеть, поужинать.

— Левин, — выразительно глянула на него, — а тебя же-на не заругает? Время полдевятого вечера. Такие примерные мужья, как ты, все дома сидят, жрут домашние пироги и соседей с женой обсуждают.

— При чем тут жена?! — вскипает Левин. — Я хотел с тобой о нашем сыне поговорить.

— И именно поэтому припер сюда этот веник? — кивок в сторону цветов. — Напрасно тратился. Лучше бы деньгами принес, мне реабилитацию скоро оплачивать.

— Я не понимаю, зачем ты туда деньги тратишь? — словно дурачок спрашивает бывший. — Все равно она не принесит результатов.

Куча всяких гадких слов готова слететь с моего языка, и я не знаю, каким таким титаническим усилием воли запи-хиваю их обратно себе в глотку. Вероятно, разум все же по-нимает, что не к чему веселить охранников бизнес-центра скандалом. Не по статусу мне как-то. Еще слухи пойдут, что у Богданова помощница истеричка, и все клиенты разбегут-ся. Нафиг надо.

— Левин, я тебе русским языком сказала — мне некогда. Спешу.

— Сима..., — начал было он, но наткнулся на мой преду-преждающий взгляд.

Поскольку Игорек знал меня неплохо, то все же решил не искушать судьбу и вышел в коридор, терпеливо ожидая, когда я закрою офис, а потом потащился следом за мной к лифту.

Спустились в относительном молчании. Видимо, Левин продумывал речь, потому что, когда мы на пару оказались на улице, снова начал втирать мне про кафе, за что и был послан в грубой форме далеко и надолго, если бы внезапно не возникшая у нас на пути преграда.

— Серафима, — глубокий, хриплый голос Марата, непрощенным табуном мурашек прокатился по моему позвоночнику. — Добрый вечер.

Медленно поворачиваю голову и во все глаза смотрю на представительного мужчину в элегантном темно-синем костюме и рубашке, белизна которой аж слепит глаза.

Марат небрежным движением руки, поднимает запястье на уровне груди, чтобы глянуть на наручных часах время, а после заметить:

— Допоздна работаешь. Устала?

Ох, божечки!

Как он это делает? Как у него получается всего двумя фразами, состоящими из трех слов, заставить мои колени превратиться в желе?

Вот, например, Игорьку даже и в голову не пришло бы спросить: устала ли я. Для него Сима – это вечная ломовая лошадь, на которой можно пахать и пахать.

А тут... такая чисто элементарная забота...

Этот мужик скоро расплавит в желе не только мои колени, но и мозги.

Так, соберись, Сима!

Не хватало, чтобы он еще подумал, будто я на него запала.

— Здравствуй, — с трудом выдавливаю из себя ответ, изо всех сил стараясь, чтобы мой голос звучал холодней арктического льда. — Не ожидала тебя здесь встретить. По работе приехал?

Марат смотрит, жадно скользя взглядом по моей фигуре, а потом цепляется за бывшее недоразумение, что все еще трясет чайным веником за моей спиной.

— Нет, — отвечает он. — За тобой приехал.

Вот так просто в лоб заявляет о своих намерениях и, кажется, абсолютно не надеется на согласие. Он просто в нем уверен, поэтому и не спрашивает, а утверждает.

Марат — человек, явно привыкший в своей жизни всеми вертеть и командовать.

Какой же он все же обнаглевший в край!

И почему мне так это нравится...?

— Поехали, отдохнем, — добавляет Марат и вновь смотрит на застывшего от потрясения Игоря.

Много лет назад бывший муж сказал, что я неликвид, и ни один мужик меня замуж не возьмет с прицепом в виде ребенка-инвалида. Эта фраза так прочно засела в моем подсознании, что именно из-за нее, как позже мне объяснила

подруга, а по совместительству психоаналитик, я с дуру-ума в свое время выскочила за Алексеева.

И вот теперь Игорек смотрит на Марата, как на восьмое чудо света, и морда его становится все длинней и длинней за счет отвисшей челюсти, естественно.

— Сима! — сипит бывший. — Это вообще кто?

Я не успеваю и рта открыть, как Марат переводит взгляд, в секунду превратившийся в фирменный волчий прищур, на Игорька, оценивающе сканирует букет в его руках и обманчиво лениво тянет:

— М-м-да-а-а, Серафима, с тобой надо держать ухо востро. Оглянуться не успел, а тут какой-то дрищеватый товарищ тебе в зубах цветочки таскает.

— Что?! — взвизгнул Игорек. — Выбирайте, пожалуйста, выражения!

— А то что? — усмехается Марат и, сделав решительный шаг, бесцеремонно и даже как-то по-хозяйски забирает у обалдевшей меня тяжелую сумку с документами и ноутбуком, а после коротко интересуется: — Пошли?

Ответ этому невозможному человеку снова не нужен. Он просто берет меня за руку и мягко тянет на себя.

— Сима! — дурным голосом восклицает Игорюсик и, резко дернувшись вперед, встает у нас на пути. — Так не пойдет. Мы же хотели с тобой серьезно поговорить о нашем сыне.

Я почти физически ощущаю через теплую ладонь Марата, как он начинает злиться.

— Так, значит, это и есть тот самый бывший, — цедит он и грубо добавляет. — А ну, свалил отсюда!

Ясень пень, Игорек от такого совершенно непочтительного отношения к своей драгоценной персоне на несколько долгих мгновений впадает в ступор, а затем переводит взгляд на меня со словами:

— Вот уж не думал, Сима, что ты такая. Мало того, что скачешь из постели в постель, так еще и связалась с каким-то хамоватым уголовником.

— Игорь! — опешив, восклицаю я. — Что ты несешь?

— То, что вижу, — цедит он и недвусмысленно кивает на наши с Маратом сцепленные руки, а там на запястье мужчины под краем белоснежного манжета рубашки виднеются рисунки татуировок неясного значения.

Я могла бы с жаром кинуться на защиту Марата, но ему, кажется, мамочка для обороны не требуется. Он большой мальчик.

— Слышь ты, додик? — негромко, но очень страшно шипит мужчина. — А ты не боишься, что сейчас хамоватый уголовник тебе башку оторвет за оскорбления? Я ведь и вправду на зоне сидел.

Игорек в секунду становится блее бумаги, дергается, словно в конвульсии, и, нелепо трясая несчастными розам, отскакивает от нас в два шустрых прыжка.

— Сима! Я не позволю, чтобы наш сын общался с этим типом, — взвизгнул он. — Ты же мать и обязана блюсти свой

моральный облик.

На мгновение мне даже показалось, что я ослышалась.

Серьезно?

Это Игорь мне сейчас читает нотацию о моральном облике? Человек, который пятнадцать лет назад бросил двадцатилетнюю девушку одну с ребенком-инвалидом на руках, без жилья, без денег и ни единой надежды на светлое будущее?

Хотелось крикнуть — где же ты был все эти пятнадцать лет и отчего раньше не следил за моим моральным обликом?

Но это всего лишь слова...

И ими не переделать человека, тем более такого скользкого и противного, как Игорь.

Я просто в очередной раз буду попусту сотрясать воздух, пытаюсь взывать к совести человека, у которого ее отродясь не было.

Ну уж нет! Лучше потрачу свое время на что-то более продуктивное, чем беседа с Игорьком. Он явно этого не стоит.

— Нет, я все же настучу ему по башке, — тихо рычит Марат.

Легонько сжимаю его руку своей вспотевшей от волнения ладонью, заставляя посмотреть мне в глаза и прошу:

— Не надо. Это лишнее.

Марат несколько мгновений пристально изучает мое лицо, будто считывает все эмоции, проводит сравнительный анализ и потом внезапно соглашается:

— Ты права. Пошли?

— Да, пошли.

Не обращая на совершенно обескураженного Игорька, мы идем по тротуару за угол здания, где на боковой парковке пристроился все тот же, покоцанный мной, черный внедорожник.

— Спасибо, — говорю я и пытаюсь забрать свою сумку с ноутбуком у Марата. — Моя машина чуть дальше. И благодарю за то, что сдержал свое слово. Мне очень приятно, хотя все эти... навороты были явно лишними.

Мужчина непонимающе смотрит на мою протянутую руку и качает головой.

— Не понял. Мне, казалось, ты согласилась со мной поужинать.

— Марат, — вздыхаю, неловко переминаясь с ноги на ногу и вообще чувствуя себя очень неудобно под его пристальным взглядом, — я, правда, устала и мне пора домой. Дома сын ждет.

— Твой сын уже не маленький, — отрезает он. — Кашу сам себе сварит.

— А ты, я смотрю, успел уже все обо мне узнать? — внезапно разозлилась я. — Тогда ты в курсе его «особенности».

— В курсе, — соглашается Марат. — И поэтому повторюсь – кашу сам себе сварит. А тебе и вправду надо отдохнуть и расслабиться.

— В твоей компании? — в очередной раз дивлюсь его наг-

лости я, ну и осведомленности, естественно.

Губы мужчины растягиваются в широкой обаятельной улыбке.

— Умничка! Какая ты догадливая.

— К-х-кх, — кашляю я. — Самомнение у тебя, конечно. Всем бы такое.

— Это значит, я тебе все же нравлюсь?

— Это значит, что ты до невообразимости наглый тип!

— И это тебе нравится. Признай?

Вот как ним можно разговаривать? Ты ему слово – он тебе в ответ десять.

Наверное, самое правильное сейчас это послать его в культурной форме. Мол, некогда мне, Марат Батькович, у меня другой мужчина на горизонте появился умней, красивей и богаче вас. Мужиков это обычно, вопреки всем разговорам об охотничьем инстинкте, отталкивает. Правда, я не уверена, что конкретно к данному индивиду это применимо, но попытаться все же однозначно стоит.

Набираю в грудь побольше воздуха, мысленно прогоняя в голове высокопарную тираду, и замираю, внезапно зацепив взглядом модное пальто Левина, который, как оказывается, не ушел, а продолжает наблюдать за нами, по-шпионски притаившись за углом бизнес-центра.

Игорек явно ждет удобного момента, когда я распрошусь со своим «уголовником» и можно будет снова попытаться всучить мне долбаный чайный веник.

Где были мои глаза семнадцать лет назад, когда я выходила за Игорька замуж?

Точно не на лице, а в другом месте. Мозги, собственно, были оставлены в том же направлении.

Придется сделать ход конем.

Подумаешь, поужинаю с умным и привлекательным мужчиной в приятной обстановке, потрачу на это дело пару часиков, вместо того, чтобы все те же пару часов отбиваться от прилипшего, как банный лист бывшего мужа.

— А знаешь! — воскликнула я. — Поехали!

— Куда? — несколько удивился такому повороту событий Марат.

— Расслабляться, конечно. Или ты передумал?

Мужчина подозрительно прищурился и ответил:

— Не передумал, но ожидал, что ты будешь упираться до последнего.

Вот не поверишь, Маратик! И я так думала, даже распланировала, речь сочинила, но обстоятельства так уж сложились.

Не иначе, как судьба.

Глава 4

Сима

Господи, хоть бы пронесло... хоть бы пронесло... хоть бы...

Эти слова я повторяла про себя десятки или даже сотни раз, пока ехала в такси, наблюдая за занимающимся на горизонте рассветом, а затем бормотала их себе под нос, пока перелазила через забор во двор собственного дома, когда, крадучись на цыпочках, поднималась по крыльцу и тихонько открывала дверь.

Под эту же волшебную мантру я даже вполне успешно доползла до лестницы, как внезапно за спиной раздалось требовательное:

— И где тебя черти носили?

Подпрыгнула с испугу, медленно обернулась, предварительно плотнее запахивая ворот мужской... да-да... именно мужской рубашки и, скаясь во все тридцать два зуба, типа «удивилась»

— Папуль! А ты чего не спишь?

— Тебя жду, — тяжело роняет родитель.

— Так я ж тебе написала – не жди, буду поздно.

— Кто ж знал, что твое поздно, Сима, будет уже утром,

— Альберт Викторович многозначительно сдвинул брови, сверля взглядом злосчастную рубашку. — Ты, конечно, уже

большая девочка, но я за тебя переживаю.

— Папуль, — немного расслабилась я, — да что со мной случится-то? Ты же сам сказал: девочка я взрослая, незамужняя, имею право на личную жизнь. Не ты ли мне говорил, что замуж пора?

— Говорил, — ответил отец. — Но думал, что ты более ответственно подойдешь к этому вопросу. Годы идут, избранника нет и нет. Одни только проходящие отношения.

— Пап, — вздохнула я, стараясь как можно тщательней подбирать слова, — так сердцу же не прикажешь. Избранник он должен быть один и на всю жизнь. Я выбираю.

— Долго выбираешь, Сима. Я не молодею. Не сегодня-завтра к маме под бок в сырую землю лягу, а ты с кем останешься?

— Типун тебе на язык! — заругалась я. — Не смей даже говорить о таком! Понял?!

Отец как-то очень грустно и в то же время с любовью на меня посмотрел, а потом, чуть прищурившись, поинтересовался:

— Ну, а что этот товарищ, что лягушку твою в порядок привел? Он чего? Как? У него ночевала?

— Папа! — искренне возмутилась я, чувствуя, как полыхнули от стыда щеки. — Ну, и вопросыки у тебя.

— У него, значит, — как-то странно и даже удовлетворенно кивнул родитель. — Это хорошо.

И с этими словами Альберт Викторович повернулся и по-

шаркал к себе в комнату.

— Хорошо? — тихо прошептала себе под нос, продолжив свой путь по лестнице. — Чего ж тут хорошего?

Наконец, добравшись до своей спальни, я первым делом бросила взгляд на часы.

М-м-м-да. Полседьмого утра.

Смысла ложиться спать нет. Скоро на работу.

И как меня так угораздило?

Вздохнув, положила свою сумку с драгоценным ноутбуком на стул, а сама отправилась приводить себя в порядок после... после всего, в общем.

Закрывшись в ванной комнате, пустила воду в душевой кабине, быстро разделась, бросила невольный взгляд в зеркало и ужаснулась собственному виду.

Выглядела я так, словно по мне танком проехали, ну или бронепоездом.

Что, собственно, не так далеко от истины...

Смущенно отвела глаза от собственного непотребного отражения и залезла под горячий, расслабляющий душ. Для измученного физической нагрузкой тела самое оно.

В блаженстве прикрыла глаза, подставляя лицо под мощный поток тропического дождя, а память сама по себе услужливо подкинула картинки вчерашнего вечера, а затем и последовавшей ночи.

И как я не силилась переключиться на что-то другое, эти воспоминания никак не отпускали, заставляя снова и снова

переживать и прокручивать в голове все до мельчайших подробностей...

— Марат, — беспокойно поглядывая в окно внедорожника, обращаюсь я к своему спутнику, — а куда мы едем?

То, что мы едем ни в какой не ресторан, а по направлению на выезд из города я поняла еще минут пять назад, но, поскольку Марат разговаривал по телефону, устраивая очередной разнос какому-то из своих подчиненных, мне оставалось все это время только нервно ерзать попой на кожаном сиденье и ждать, пока он закончит разговор.

— Ко мне на дачу, — небрежно бросает он и лукаво поглядывает на меня.

— Я соглашалась только на ужин, — сухо напоминаю я, чувствуя, что начинаю закипать. — Что за самоуправство?

— Ты слишком строга ко мне, Сима, — усмехается Марат. — Я не люблю все эти пафосные забегадки. Посидим у меня, поужинаем, расслабимся. А потом, если захочешь, то мой водитель отвезет тебя домой. По первому же твоему требованию.

— Как-то подозрительно все это звучит, — кошкой шиплю я. — А ужин, стало быть, тебе личный повар готовит, раз ты ресторанную еду не уважаешь.

— Нет. Ресторанную еду я ем, а вот шумиху и лишних людей вокруг себя не перевариваю. Так что, не переживай, готовить тебя не заставлю. Еду заказал из ресторана. Все как ты любишь.

— То есть, ты уже знаешь, что я люблю? — ахнула я.

— Разведка доложила, — невинно пожал плечами мужчина.

— Не находишь это несколько несправедливым: ты обо мне знаешь все, а я о тебе только имя?

— Конспирация, — явно насмехаясь надо мной, шепчет он и, когда я собираюсь все же истребовать информацию, снова снимает трубку телефона, чтобы ответить на звонок.

Ну, что я вам могу сказать? Занятой товарищ этот Марат Батькович. Телефон у него замолкает, и это при том, что больше половины звонков он просто тупо скидывает.

А еще он определенно богат, потому что домик у него стоит на берегу реки, посреди живописных красот леса, в одном из самых дорогих коттеджных поселков нашего города.

Сама дачка... ну, как дачка? Домик квадратов на шестьсот просто огромен.

И зачем, спрашивается, мужику такая дача здоровая, если он там не живет и, судя по его словам, редко сюда выбирается?

— У тебя тут и охрана есть? — настороженно смотрю на сторожку рядом с воротами.

— Нет, — качает головой к моему облегчению мужчина, — раньше была, но я разогнал всех. Я же говорил, что не люблю, когда народ лишний рядом отирается.

Ну, не знаю-не знаю, как насчет лишнего народа, но судя по тому, что в дом уже доставлена еда, а на заднем дворе

истоплена баня, кто-то тут все же появляется.

Не сам же барин все это тут подготовил?

— Ты баню как любишь? — между тем, ведя меня по мощеной дорожке, спрашивает мужчина. — Пожарче? Если да, то пойду дров подкину.

Или все же сам?

— Я вообще баню не люблю, — с улыбкой отвечаю я. — Голова от горячего воздуха кружится.

Не уж-то Маратик решил, что я с ним полуголая в баню пойду?

— Тогда тебе точно придется по душе джакузи, — коварно улыбнулся этот искуситель и увлек меня за собой в дом.

Едва мы вошли в просторную прихожую, как в одно мгновение я очутилась в крепких объятиях, а сам мужчина навис надо мной и, приблизив свое лицо к моему, так близко, что можно почувствовать его горячее дыхание, хрипло произнес:

— Ну, наконец-то, еле дотерпел.

Не успела я и слова мякнуть, как Марат обхватил мой затылок ладонью, вероятно, чтоб наверняка не брыкалась, и прижался своими жадными губами к моему распахнутому в изумленном вдохе рту.

Все произошло так быстро и неожиданно, что я даже сориентироваться толком не успела, как мир крутанулся вокруг своей оси, вызывая легкое головокружение, и я оказалась прижата спиной к стене сильным мужским телом.

В мозгу лихорадочно забила полудохлая мысль о том, что надо же что-то делать!

Возмутиться, к примеру, ну или на худой конец оттолкнуть от себя этого наглого мужика, который отчего-то возомнил, что может позволить себе распускать руки на первом свидании.

Проблемы только одна... точнее две...

Когда рот занят особо не повозмущаешься, максимум помычишь, и то недолго. С отталкиванием и того сложнее, потому что практически разодранная мужскими руками блузка застряла чуть ниже груди и сковала в локтях руки, заодно дав отличный доступ ненасытным и жадным клешням этого маньяка, которому так понравились мои верхние девяносто, что мы даже до кровати не дошли.

Это не мужик, а настоящий ураган какой-то!

У меня такого в жизни никогда не было, чтобы настолько потерять голову и контроль над ситуацией. Едва сильное, явно тренированное тело Марата недвусмысленно прижалось ко мне, на деле, а не на словах показывая, чего он хочет сию минуту, как в моей и без того поплывшей голове что-то отключилось.

Как самая настоящая гулящая кошка, с энтузиазмом ответила на поцелуй и даже не отказала себе в садистском удовольствии провокационно потереться о мужчину, чтобы через мгновение услышать низкий глухой стон и неприятный треск – это пришел конец молнии на моих брюках.

Вот уж никогда не думала, что я такая отзывчивая.

Обычно я очень долго настраиваюсь на близость, и чтобы по-настоящему получить удовольствие от секса, мне нужно максимально расслабиться и довериться партнеру.

Тут же произошел самый настоящий разрыв шаблона.

Меня буквально снесло волной неудержимого желания, здесь и сейчас принадлежать Марату, если не душой, то точно телом. Ощущение словно его безудержная жажда каким-то непостижимым образом передавалась и мне, заражая нас обоих обретенным безумием.

— Какая же ты... с ума меня сводишь...

О д-а-а, с этим сложно поспорить.

Об этом может поведать моя павшая под натиском мужской страсти одежда, вернее то, что от нее осталось.

Марат оказался не просто страстным и жадным любовником, но еще и, безусловно, во всех отношениях заботливым мужчиной.

Сразу после того, как первые страсти улеглись, и наступил некий момент неловкости, он не позволил этому чувству испортить вечер. Наоборот, со всей заботой и нежностью отнес малость потрепанную тушку Серафимы Альбертовны до джакузи.

Там Марат напоил меня каким-то вкусным коктейлем, накормил фруктами, а после позволил себе снова соблазнить разнеженную жертву насколько фантазии хватило, а она у него очень щедра на идеи.

Когда мы, наконец, добрались до кровати, я уже не просто была на все согласна, а пребывала в состоянии блаженной эйфории и лишь полусонно отвечала на изучающие ласки Марата, позволяя вертеть себя, как ему заблагорассудится.

Зверюга ненасытная...

Это ж надо так было меня умотать, что я, совершенно обессилев, буквально отрубилась на самом интересном месте.

Проснувшись от ощущения, что мне невыносимо жарко. Словно рядом кто-то поставил под бок обогреватель.

Чуть пошевелилась и поняла, что обогреватель этот не просто стоит, он лежит и нагло, по-советнически, сграбастал меня в объятия, оплел крепкими руками и еще вдобавок ногу на меня закинул, словно я плюшевая игрушка.

Полежала так пару минут и поняла, что не нравится мне такое положение дел. В принципе не люблю спать с кем-то в обнимку, а тут еще чужая постель, едва знакомый мужик, о котором я знаю только его имя.

Чувство внутреннего неприятия и дискомфорта с каждым мгновением только усиливалось, и я решила, что надо вставать. Аккуратно, стараясь не разбудить Марата, буквально извиваясь змеей, выползла из его рук и, сев на постели, огляделась.

В полумраке комнаты толком ничего не разобрала. Только очертания мебели и распластанного на широкой кровати мужского тела. Привлекательного, стоит признать, тела, но

не настолько, чтобы я окончательно потеряла голову.

И так дел наворотила, мама не горюй.

Хорошо, что хоть хватило мозгов папу предупредить о том, что сегодня домой ночевать не приеду.

Отдохнула, конечно, хорошо, так сказать, с размахом...

Все тело ломит так, что даже ходить больно.

Боюсь, если эта ненасытная зверюга проснется, то меня вновь утащат на кровать, и тогда после очередного страстно-го раунда я вообще ходить не смогу.

Поэтому и надо быстрее сматывать удочки.

Осталось только дело за малым: найти одежду и вызвать такси.

И если с такси оказалось все довольно просто: три кнопки нажала, и через пятнадцать минут машина будет у порога по ночному тарифу, то вот с одеждой вышел казус.

До первого этажа мне и вовсе пришлось идти голой. Там на столе в кухне обнаружился сначала мой бюстгальтер. Подобрав ценный предмет гардероба и попутно мазнув смущённым взглядом по тому самому столу, где мы черт знает что вытворяли, я отправилась дальше собирать шмоточки.

Брюки, блузку и пиджак нашла в прихожей, там же валялось и мое пальто.

Трусов нигде не наблюдалось...

И времени на их поиски у меня было не так уж и много.

Натянув брюки, как есть, на голый зад, посетовала на сломанную молнию и порадовалась тому, что хоть пуговица це-

ла. В отличие от блузки. У той просто отсутствовали все пуговицы.

Черт, в таком виде мне точно не стоит выходить за порог этого дома.

Психанув, засунула испорченную блузку в сумку и, отыскав брошенную все там же в прихожей белоснежную рубашку Марата, натянула ее. Вот так-то лучше! И разодранную ширинку не видно, и пуговицы все на месте. Можно застегнуть до самого горла и сразу не видно красные отметины от жадных мужских губ.

Наконец, кое-как приведя себя в божеский вид, крадучись вышла на улицу, с опаской оглядываясь вокруг и судорожно вдыхая холодный ночной воздух.

Во дворе была тишина. В сторожке тоже никого не наблюдалось. Значит, как и сказал Марат, охраны здесь нет, зато есть камеры. Понатыкано на каждом углу. Так что незамеченной выйти из дома не получится.

А, плевать...

Самое главное, что вид вполне презентабельный, а остальное как-то без разницы.

Без приключений добралась до калитки, и вот тут-то удача подвела меня, потому что она оказалась закрыта, заблокирована на кодовый, мать его, замок!

Несколько секунд тупо пялилась на циферки и чуть не подпрыгнула на месте, когда в кармане пальто завибрировал телефон, оповещая, что такси уже прибыло.

Уныло покачав головой, попробовала потыкать циферки. Затея эта, разумеется, успехом не увенчалась, и тогда мне в голову пришло единственное верное решение – перелезть забор.

Даже и представлять не хочу, как будет ржать Марат, когда потом посмотрит записи с камер, а на них будет запечатлен мой эпичный «побег из курятника».

Сама дура виновата, но отступать поздно, тем более, что до свободы всего один шаг – точнее забор... высокий зараза.

Правда, только на первый взгляд он казался неприступной крепостью. И все, потому что опорные колонны были сложены не из обычного кирпича, а из какого-то модного дикого камня. Он имел неровные, местами острые края и по ним, на первый взгляд, вполне можно карабкаться.

Мамочки!

Где мои пятнадцать лет...

Я ж уже нифига не балерина.

А еще у меня в руках сумка с ноутбуком.

Только бы не свалиться...

Собравшись с духом, решительно ставлю ногу на самый нижний выступ и, тихо матерясь под нос, хватаюсь руками за верхний, начинаю подтягиваться. Камень холодный, скользкий, так и норовит выскользнуть из рук, но я, напрягая все доступные телу мышцы и мысленно представляя себя скалолазкой, медленно ползу вверх.

Забравшись на самую макушку столбика, который укра-

шен симпатичной такой остренькой башенкой, перекидываю ногу через лист профиля и внезапно понимаю, что не могу найти ногой нужную опору.

Черт-черт-черт!

Именно в это самый момент со стороны улицы слышится звук заводимого мотора, и по забору в одно мгновение прожекторами бьют фары авто, рассекая ночную тьму, ну и, естественно, освещая во всех возможных ракурсах застрявшую на заборе Серафиму Альбертовну.

Мне даже не надо смотреть вниз, чтобы понять в каком немо афиге на меня уставился несчастный таксист.

Многое в жизни мужик повидал, но вот застрявшую на заборе бабу с ноутбуком в зубах ему еще не приходилось встречать.

Трясаясь от напряжения, словно осиновый лист, я собрала все силы в руках и ягодичных мышцах, на выдохе перекинула вторую ногу через забор и... кулем полетела вниз, благо, уже с уличной стороны забора.

Хотя бы падать не так обидно.

Приземлилась на редкость удачно – прямиком попой на какой-то пожухлый куст. Драгоценная пятая точка при падении, спасибо запасу жировой ткани, не пострадала, а наоборот обеспечила вполне себе мягкую посадку мне и ноутбуку, который я так и не выпустила из зубов, чудом не отшибив последние его железной крышкой.

— Девушка! С вами все в порядке? — подбежал таксист

и принялся вытаскивать меня из куста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.